

Е. П. Пирогова

Уральские заводчики и научные исследования XVIII в.

В основе статьи лежит ценный исторический источник – Опись имущества 1789 г., составленная после смерти крупного уральского промышленника А. Ф. Турчанинова. Опись показывает существование в уральской провинции XVIII в. значительной дворянской усадьбы, не уступавшей во многом по своему размаху и богатству крупнейшим дворянским усадьбам России того времени. Турчанинов не жалел средств на приобретение предметов роскоши, увлекался, следуя дворянской моде своего времени, коллекционированием. В числе его коллекций были две естественнонаучные: минералогическая и впервые подробно представленная, редко встречающаяся в частных собраниях палеонтологическая. На конкретных примерах, Турчанинова и других владельцев заводов показано влияние на культурный уровень дворян-заводчиков, их увлечение собиранием различных «древностей» и «редкостей» со стороны участников академических экспедиций XVIII в. Сделано важное открытие, касающееся судьбы некоторых утраченных этнографических материалов Второй Камчатской экспедиции.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-00582.

Ключевые слова: Опись имущества 1789 г., дворянское коллекционирование, А. Ф. Турчанинов, Демидовы, палеонтологическая коллекция, Вторая Камчатская экспедиция, Ф. Х. Плениснер, рукопись С. П. Крашенинникова

Yelena P. Pirogova

Ural industrialists and science of 18th century

The article is based on a valuable historical source – the Inventory of Property of 1789, compiled after the death of a large Ural industrialist A. F. Turchaninov. The inventory shows the existence in the Urals province of the 18th century a large estate of the nobility, which was not inferior in many respects in its scope and wealth to the largest noble estates of Russia of that time. Turchaninov did not spare the funds for the purchase of luxury goods, was fond of collecting, following the noble fashion of his time. Among his collections were two of natural sciences: mineralogical and for the first time in detail presented paleontological one, rarely found in private collections. With specific examples of Turchaninov and other owners of plants, the influence on the cultural level of breeders and their enthusiasm for collecting various «antiquities» and «rarities» on the part of participants in 18th century academic expeditions is shown. An important discovery has been made concerning the fate of some of the lost ethnographic materials of the Second Kamchatka Expedition.

Keywords: Inventory of property in 1789, noble collecting, A. F. Turchaninov, Demidovs, paleontological collection, Second Kamchatka Expedition, F. H. Plenisner, manuscript by S. P. Krasheninnikov

DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-92-97

Среди первых дворян-горнозаводчиков XVIII в. – периода становления и развития уральской промышленности – было немало выходцев из других сословий, выбившихся в дворянство благодаря своим предпринимательским талантам, деловой хватке и уму. Кроме таких известных фамилий, как Демидовы, Яковлевы или Осокины, был среди них и Алексей Федорович Турчанинов (ок. 1704–1787), владелец заводов: Троицкого Соликамского уезда, Полевского, Северского и Сысертского Екатеринбургского уезда Пермской губернии. О происхождении и жизни, истоках богатства этого крупного уральского промышленника до недавнего времени почти ничего не было известно. Находка уникального (по объему, сохранности и информативности) источника – подробной описи всего

движимого и недвижимого имущества, составленной после смерти А. Ф. Турчанинова, стала толчком для изучения его биографии, позволила дать представление об этой незаурядной личности. Именно Опись 1789 г. (имущество было столь велико, что его описывали в течение двух лет!) служит неопровержимым доказательством тому, что в уральской провинции XVIII в. существовала значительная дворянская усадьба, не уступавшая во многом по своему размаху и богатству крупнейшим дворянским усадьбам России того времени.

Стремясь соответствовать уровню родовой знати, А. Ф. Турчанинов во многом ей подражал, не жалел средств на приобретение предметов роскоши, увлекался, следуя дворянской моде своего времени, коллекционирова-

нием. При этом кроме традиционных собраний живописи, древнерусского искусства, медалей, богатейшей библиотеки и прочего [1, с. 154–156], у него имелись, по крайней мере, две естественнонаучные коллекции: минералогическая и палеонтологическая. В первой из них находилось несметное количество образцов всевозможных руд, драгоценных и полудрагоценных камней [2, с. 59–61]. Неслучайно академик П. С. Паллас с восхищением отмечал «тщательность» господина Турчанинова «в собирании и хранении сыскиваемых по его рудникам весьма редких, прекрасных и драгоценных штуфцов», что выгодно отличало его, по мнению ученого, «от всех прочих заводчиков, пользующихся в России богатством рудников» [3, с. 176].

Как и положено настоящему коллекционеру, А. Ф. Турчанинов все рудные образцы, включая штуфы, хранил и описывал строго «по кабинетам», каждому из которых был присвоен собственный номер (по Описи девять номеров) и в каждом перечислено количество содержащихся пород. Можно предположить, что именно эта коллекция стала основанием для принятия ее владельца в члены Экономического общества, медаль от которого с вырезанным именем «господина Алексея Федоровича Турчанинова» (в Описи под № 1005) заводчик хранил всю жизнь.

Минералогическая коллекция представляется довольно обычной для уральского промышленника (подобная была, например, у Н. А. Демидова в Нижнем Тагиле), чего не скажешь о палеонтологической, которая, насколько нам известно, не имеет на сегодняшний день аналогов среди частных коллекций провинциального (а, может быть, и столичного) дворянства XVIII в. Именно она будет впервые представлена в данной статье.

Во 2-м томе Описи 1789 г. [4, л. 52 об. – 54 об.] под разделами «разных окаменелостей» и «сталактитов» на пяти (с оборотами) листах подробно, с присвоением порядковых номеров (с № 3509 по 3562), перечислены многообразные моллюски, раковины, кости и другие ископаемые остатки и вымершие растения. Прежде всего указано много «окаменелаго дерева» – 17 «болших штук» и 21 «маленкая», далее следуют: «два камня с окаменелыми раковинами», «глинистой шифер с печатными папоротниками» (указано количество 3), «птичьих окаменелых язычков», одно «морское окаменелое растение», семь камней «наподобие сот» и пять – «наподобие галанскава сыру», а также окаменелые «черви» (три), «в шиферной породе рыбы» (три), «бабочка» и кости, включая «турей окаменелой целой рог...». Были, очевидно, в коллекции и

аммониты – группа ископаемых головоногих моллюсков, которые имели спирально закрученную или винтовую раковину со сложной линией перегородок (жили в палеозойскую и мезозойскую эры): в Описи упоминаются «перелифт наподобие бараньих рошков» и «аммонов рог».

Надо понимать, что переписчики коллекции находились в трудном положении, сталкиваясь с необходимостью назвать очередной экспонат, поэтому в каждом случае они искали какой-то предмет, на который он казался им похожим. Отсюда в Описи частое употребление к разным «окаменелостям» слова «наподобие»: то «малинкава окорак», то «жеребьячева копытца», то «грибка», «оладея» или «кавришки», а то и вовсе «наподобие крестьянской шапки». Здесь же под отдельным заголовком указаны больше сотни сталактитов (белых и темных, больших, средних и малых) с описанием «редкостной» формы, например, «два каменных морских деревца», «сталактитовая штучка с тремя махровыми шапочками...» или «сталактитовая штука наподобие педестала с растущими древесоватыми махровыми свойственными фигурами весьма куриозной...». В корпусе красного дерева убранным медью со стеклом» находился «реткостной и весьма куриозной сталактит с разными текущими и растущими махровыми фигурами которой и называются свиным пирогом или пащетом...».

Две записи в Описи: «пупыреватой и махровой куриозной сталактит...» и «сосноватая белая каменная штука наподобие сталактита...», удивительны тем, что к первой из них добавлено: «... тут же две каменные китайские статуи...», а ко второй – «... с пятью каменными китайскими куклами...», при этом обе «штуки» были помещены в отдельных футлярах «краснаго дерева со стеклами». Что это за китайские статуи-куклы и почему они были помещены вместе со сталактитами, неясно. Некоторые экспонаты были, вероятно, привезены владельцем из Италии или приобретены им где-то на рынке, во всяком случае, среди сталактитов в Описи указана «италианская морская друза с корольковым красным деревцом». Правда, другая запись – «американския каменная растения с сеткой» (всего два) – вряд ли может говорить о заморском происхождении предметов.

Все палеонтологические экспонаты коллекции хранились в специальных ящичках или коробочках, часто из красного дерева, под стеклянными крышками, только один «сталактит наподобие сморчка» помещался «в простом деревянном ящике». Странным кажется то, откуда у богатого уральского промышленника появился такой явный интерес к разным «куриозным» древностям. Конечно, можно предположить,

что, подолгу живя в своем доме на Васильевском острове в Петербурге, А. Ф. Турчанинов мог посещать расположенную неподалеку Кунсткамеру и увлечься заложением самим Петром Великим идеей приобретения всевозможных «редкостей». Но основная причина видится нам в другом, а именно в условиях соприкосновения ряда уральских заводчиков с научными исследованиями своего времени. И здесь необходимо сделать некоторое отступление.

С начала XVIII в. Россия активно и успешно занималась вопросами всестороннего изучения собственных потенциальных возможностей экономического развития, природных ресурсов и производственных сил, уточнением географического положения своих обширных территорий. Для этого проводились десятки экспедиций, в основном под эгидой Академии наук [5, с. 12–62]. Одной из самых знаменитых и беспрецедентных по масштабам задач и количеству участников была Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. Маршруты всех участников экспедиции пролегли через территории Урала, которые они пересекали как минимум дважды. Несмотря на то, что государство полностью взяло на себя финансовое и техническое обеспечение Камчатской экспедиции, для ее участников это путешествие было очень тяжелым испытанием, сопряженным со сложными климатическими, экономическими и бытовыми условиями, необходимостью преодолевать огромные расстояния по бездорожью, при непогоде, переносить лишения и болезни.

Ученые постоянно сталкивались с противодействием со стороны властей, хотя представители местных администраций, сообразуясь со специальным указом, и обязаны были оказывать им полное содействие: предоставлять средства передвижения, жилье, снабжать продовольствием и прочее. Неслучайно в 1740 г. вышел дополнительный указ по заводам, которым было объявлено о необходимости всем участникам экспедиции, «обретающимся при казенных заводах управителем и партитулярным заводчикам (выделено нами. – Е. П.) чинить на тех заводах всякое вспоможение...» [5, с. 27]. Но и без того многие владельцы частных заводов охотно принимали у себя членов экспедиций, получая в лице последних интересных собеседников редкую возможность приобщиться к современной им науке, что порой влияло на их увлечения. Ученые же получали возможность отдыха после тяжелых экспедиционных условий, а в некоторых случаях благодарных слушателей и даже последователей.

Известно, например, что в 1733 г., когда на пути Второй Камчатской экспедиции оказал-

ся Соликамск, ее участники в лице историка Г. Ф. Миллера, натуралистов И. Г. Гмелина и студента С. П. Крашенинникова гостили у Григория Акинфиевича Демидова, которого вдохновили идеей создания ботанического сада. Возвращаясь из камчатской экспедиции, те же Гмелин и Крашенинников пополнили богатства демидовского сада растениями сибирской и камчатской флоры. Большой вклад в устройство Соликамского ботсада внес еще один естествоиспытатель и участник экспедиции, Георг Стеллер, который дважды по несколько месяцев гостил у Г. А. Демидова, в 1739 и 1746 гг. [6, с. 35–36]. Отметим, что рукопись С. П. Крашенинникова под названием «Описание камчатского народа сочиненное по сказыванию камчадалов. 1740 г.» на 26 листах оказалась уже после смерти Г. А. Демидова в библиотеке Выйского училища в Нижнем Тагиле. На обороте последнего листа рукописи имеется запись: «Студент Степан Крашенинников 1740 году июня 7 дня, послана копия. Finis» (начало текста: «Камчадалское настоящее жилище по реке Камчатке...»). В настоящее время рукопись хранится в ГАСО в фонде Уральского общества любителей естествознания [7].

Приведем еще одно свидетельство приема уральским заводчиком ученого, неожиданно связанное с библиотекой Никиты Демидова, брата Григория Акинфиевича. На одной из чудом сохранившихся книг этой библиотеки (Ежедневная записка пребывания г. Ланга... при дворе Пекинском в 1721 и 1722 г. ... СПб., 1776) Н. А. Демидов оставил следующую запись: «Как сей первой, так второй и третьей томы со удовольствием прочтены 20 марта 1775. Прямо сей неутомимой вояжир и хорошей описатель господин Ланг достоин похвалы за толикие труды свои. А сего отменного трудолюбца я персонально имел честь знать по возвратному его приезду к покойному отцу моему в Сибире на заводе нашем Невьянском, где оной до шести недель продолжил свою бытность (выделено нами. – Е. П.)». Лоренс (Лоренц) Ланг – швед, стоявший на русской службе, был первым российским консулом в Пекине и участником шести российских дипломатических миссий в Китай с 1715 по 1737 г. Известны его дневники, содержащие ценный материал по истории русско-китайских отношений и истории Сибири, а также «Описание государства Китайского» – весомый вклад в развитие русского китаеведения того времени [8, с. 30–31, 43]. Последняя поездка «господина Ланга» из Китая завершилась в 1737 г., на «возвратном» пути из которой, судя по записи, он полтора месяца гостил в Невьянске у знаменитого Акинфия Демидова и запомнился его сыну, тогда 13-летнему подростку, как и бесконечные, нетрудно предположить,

беседы столь редкого гостя с отцом, рассказы о далеких и незнакомых восточных странах, и их жителях [6, с. 102–103]. Мало того, через много лет Н. А. Демидов приобрел книгу учено-китаеведа, прочитал ее «со удовольствием» и сделал памятную запись об этом.

Имеется факт приема членом научной экспедиции самим А. Ф. Турчаниновым еще до того, как он стал владельцем Сысертского горного округа. Это случилось в 1740 г. и связано с астрономом Н. И. Делилем, командированным Академией наук в Сибирь для наблюдения за прохождением Меркурия перед диском Солнца [5, с. 16–17]. Из дневника его путешествия, опубликованного в изложении академика П. П. Пекарского еще в XIX в., явствует, что, проезжая через Соликамск, Делиль гостил «у богатого купца Алексея Федоровича Турчанинова», который «при прощании ... подарил автору дневника» и двум его сопровождающим «каждому по бахче хорошего чая, что составляет сверток в 1 1/4 фунта и пряников...» [9, с. 9].

Приведенные примеры доказывают, что встречи и общение некоторых уральских заводчиков с проезжими учеными, лучшими представителями академической науки своего времени, обладавшими энциклопедическими знаниями, оставили в жизни заводчиков заметный след, повлияли на их увлечения, сформировали определенный круг интересов. Именно этот фактор, как нам представляется, мог подтолкнуть А. Ф. Турчанинова к мысли о собирании палеонтологических «редкостей», странной для человека, далекого от научной деятельности, но понятной в случае его приобщения к научным проблемам в результате контактов с учеными путешественниками. Если это так, то этим можно объяснить и то удивительное открытие, которое позволила сделать та же Опись 1789 г., открытие, которое потребовало целого расследования.

Долгое время не удавалось понять смысл указанной в Описи записи: «Шесть книг плеслеровых рисовальных анатомических шесть этого двенадцать книг по 3 ру 50 ко» с указанием цены: «12 шт.; 42 руб.» (Опись № 5552). Поскольку запись находилась в Описи среди книг богатейшей библиотеки А. Ф. Турчанинова, логичным казалось искать разгадку среди изданий того времени. Действительно, в именном указателе к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века» оказался некий Плениснер Федор Христианович, но не как автор. В указателе была дана ссылка на комментарий к одному из изданий Академии наук под названием «Исторический и географический месяцеслов на... 1780 год». В описании издания говорилось о том, что на десяти страницах этого

журнала была помещена статья «Известие о Чукоцком носе», а к ней приложена гравированная и раскрашенная «Карта Чукотского носа сообщенная от полковника Пленстнера» [10, с. 218]. Это мало что объясняло, но помог «всезнающий» Интернет, который сначала «связал» Ф. Х. Плениснера со Второй Камчатской экспедицией, а затем «вывел» на статьи специалиста по этим вопросам, профессора С. В. Березниченко.

Выяснилось, что упомянутый в турчаниновской Описи Ф. Х. Плениснер заслуживает внимания и как ученый, и как личность: прибалтийский немец, он был приглашен для участия в Камчатской экспедиции в качестве живописца и топографа, в 1741 г. совершил плавание на пакетботе Витуса Беринга к берегам Северной Америки, занимался составлением географических карт, зарисовками аборигенов и животного мира. Фридрих Плениснер сотрудничал с сибирским губернатором Ф. И. Соимоновым, дружил с упомянутым Г. В. Стеллером, был корреспондентом Г. Ф. Миллера [11, с. 86]. Будучи одним из организаторов комплексных исследований Чукотки и Курильских островов, Плениснер способствовал собиранию ценных этнографических, исторических, географических материалов о чукчах, айнах и других коренных народах северо-востока и тихоокеанского побережья. Он изучал численность населения на островах, занятия жителей и возможность приведения их в российское подданство. Среди его научных трудов есть и неизданные «Примечания о Чуюкоцкой земле полковника Плениснера. 1763 года...» [12, с. 32–33]. Наиболее важной его работой является также неизданная рукопись «...о начале Анадырского острогу...», в которой имеется много ценного этнографического материала по истории, культуре, межэтническим контактам коряков, чуванцев, чукчей, юкагиров, якутов. Анализ рукописи показал, что Плениснер «впервые сделал попытку создать историко-этнографический очерк о процессе освоения русскими людьми северо-востока Азии с XVII в. до 1760-х гг., дал подробное описание Анадырского острога с указанием причин о его ликвидации», что позволило историку сделать вывод о важном вкладе Фридриха Плениснера «в развитие российской науки, в сбор новых знаний по этнографии и истории, географии, картографии обширного региона...» [12, с. 33, 36]. Заметим, кстати, что в рукописи содержится информация о многих российских путешественниках, военных, ученых, государственных деятелях того времени, включая упомянутого выше дипломата Лоренца Ланга [12, с. 34].

В 1764–1772 гг. Плениснер продолжил службу в качестве главного командира Охотско-Кам-

чатского края, но после ряда возбужденных против него дел в 1774 г. вышел в отставку и уехал сначала в Тобольск, а затем вместе с семьей – в Петербург, где через несколько лет и умер [12, с. 32]. При этом С. В. Березницкий в своих работах подчеркивает важную роль Плениснера в этот период в процессе доставки айнской этнографической коллекции в Кунсткамеру [11, с. 89]. Итак, оказавшись в трудных условиях после проведенного над ним следствия, скорее всего ограниченный в средствах, обремененный семьей полковник Плениснер вынужден был в течение двух лет добираться через бескрайние урало-сибирские просторы до столицы, неизбежно испытывая трудности и лишения. Посредине этого нелегкого пути, вероятно, в конце 1774 или начале 1775 г., он и оказался в гостях у богатого уральского промышленника А. Ф. Турчанинова, где ему и членам его семьи, надо полагать, был оказан радушный прием. Неизвестно как долго продлилось его пребывание в Сысертской заводской усадьбе, но не вызывает сомнения тот факт, что, покидая ее, он ставил владельцу 12 книг-альбомов с рисунками, половину из которых полностью занимали «анатомические» рисунки, вероятно, с изображением камчатских и других североазиатских аборигенов России и Америки.

Здесь удивительно все: интерес уральского заводчика к научным исследованиям в далекой, казалось бы, от него области знаний, и действия человека, понимающего ценность этих материалов для Академии наук, но тем не менее расставшегося с ними. Но Плениснер не просто оставил альбомы А. Ф. Турчанинову, он их ему продал! В этом, возможно, и кроется главное объяснение поступка человека, лишенного средств и которому еще предстоял многомесячный путь до Петербурга. В этом случае для Турчанинова это был жест поддержки ученого и даже участие в важной миссии по доставке экспедиционных материалов в Кунсткамеру. Кроме того, на решение хозяина усадьбы могло повлиять и личное обаяние путешественника, увлекательность и новизна его рассказов, сочувствие к пережитым им и его семьей неурядицам. Конечно, Турчанинов был деловым человеком и знал цену деньгам, поэтому не стал бы бросаться такой значительной суммой в 42 рубля, если бы альбомы Плениснера его не заинтересовали, значит, они были действительно хороши, привлекательны и, говоря современным языком, вполне «коллекционные» и поэтому заняли достойное место в его библиотеке. Остается надеяться на то, что эти ценнейшие альбомы не утрачены безвозвратно и могли сохраниться. Сысертская усадьба принадлежала потомкам А. Ф. Турчанинова

вплоть до Революции 1917 г., она не горела и не разорялась, но была подвергнута жесткой национализации, в результате которой усадебные коллекции оказались распылены между фондами разных музеев (областного краеведческого и изобразительных искусств), часть их могла оказаться у многочисленных наследников А. Ф. Турчанинова, включая тех, которые живут сегодня в Италии. Предстоит задача выяснить, находятся ли альбомы Плениснера до сих пор в недрах музейных фондов или оказались в частных коллекциях.

В заключении следует упомянуть еще об одном российском путешественнике и естествоиспытателе, принятом в гостеприимном доме А. Ф. Турчанинова. Им был член Петербургской Академии наук Н. Я. Озерецковский, принимавший участие в целом ряде экспедиций, включая проводившихся в 1768–1773 гг. под руководством И. И. Лепехина по изучению Урала, Западной Сибири и прочих территорий. В 1782 г. он снова проезжал через Урал, по «высочайшему» распоряжению Екатерины II (уже в качестве наставника и руководителя ее внебрачного сына А. Г. Бобринского). Написанные Н. Я. Озерецковским после этого путешествия «Дневные записки 1782 г. ...» были обнаружены и опубликованы недавно историком С. А. Козловым. Из них мы узнаем, что путешественники проезжали через многие уральские частные заводы, например, Суксунский А. Г. Демидова и Билимбаевский А. С. Строганова, где, даже в отсутствие владельцев, получали неизменно радушный прием и угощение со стороны их «прикащиков». Описывает Озерецковский и приезд их в Екатеринбург, то, как все они останавливались «в доме у Алексея Федорыча Турченинова, где прикащик его старался доставить нам всевозможное спокойствие». Приехав через день «в Сысертской завод», путешественники были приняты женой отсутствующего Турчанинова и «осмотрели все производящиеся на сем заводе работы», «разная художества и ремесла, которым обучил А[лексей] Фед[орыч] своих людей», «преизрядную оранжерею» и зверинец. После осмотра Сысертского и Полевского заводов и принадлежавших Турчанинову «художеств», автор дневника пришел к выводу о том, что тот «до всего охотник и у него нет тут ни в чем недостатка» [13, с. 141].

Выражение «до всего охотник» представляется нам важной характеристикой личности А. Ф. Турчанинова, точным определением причин его интереса к научным и культурным достижениям, показывает, что его увлечения коллекционированием не были случайностью и только данью моде. Но суть этих причин глубоже, она кроется, как нам представляется, в том, что Турчанинов и та часть уральских промыш-

ленников, которая, подобно ему, «выбилась» в ряды дворян из других сословий и стремилась соответствовать своему новому положению, невольно соприкоснулась и даже оказалась вовлечена в естественнонаучные проблемы своего времени. Во многом этому способствовал тот факт, что академические и другие научные экспедиции, проходившие через территории Урала, дали уникальную возможность владельцам ряда заводов личного знакомства с их участниками – лучшими и образованнейшими учеными умами своего времени, приобщиться к последним достижениям европейской науки и культуры. Одним из результатов такого «приобщения» могло стать увлечение поисками и приобретением различных «древностей» и «куриозных» редкостей со стороны отдельных заводладельцев. Повышение культурного уровня уральских дворян-промышленников стало возможным на фоне общих изменений в отношении к культуре со стороны государства и передовой части дворянства, постепенном, но уверенном культурном подъеме страны на протяжении всего XVIII в., века русского Просвещения.

Список литературы

1. Пирогова Е. П. Опись имущества А. Ф. Турчанинова 1789 г. как источник изучения культурно-бытовых традиций уральского дворянства // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 146–159.
2. Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых: культ.-ист. очерки. Екатеринбург: ИД Сократ, 2008. 352 с.
3. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Санкт-Петербург, 1786. Ч. 2, кн. 1: 1770 г.
4. Гос. арх. Свердлов. обл. (ГАСО). Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Опись Турчанинова. Т. 2.
5. Пирогова Е. П. У истоков научного освоения Урала // Академическая наука Урала: очерки истории / Ин-т истории и археологии УрО РАН, гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург; Санкт-Петербург, 2007. Ч. 1. С. 12–62.
6. Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: ИД Сократ, 2000. 208 с.
7. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 933. Описание камчатских народов.
8. Скачков П. Е. Очерки истории русского Китаеведения. Москва: Наука, 1977. 510 с.
9. Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году // Зап. Акад. наук. Прил. к т. 6. Санкт-Петербург, 1865. С. 1–74.
10. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. Москва: Книга, 1966. Т. 4: Периодические и продолжающиеся издания 287 с.

11. Березницкий С. В. Роль Ф. Плениснера в формировании музейных коллекций Кунсткамеры в XVIII веке // Вопр. музеологии. 2016. № 2 (14). С. 86–90.

12. Березницкий С. В. Рукопись Фридриха Плениснера об истории и этнографии коренных народов северо-восточной Азии XVIII века // Вопр. истории и культуры северных стран и территорий. 2017. № 4 (40). С. 30–39.

13. Озерецковский Н. Я. Путешествие по России. 1782–1783: дневник / вступ. ст. С. А. Козлов. Санкт-Петербург: Лики России, 1996. 167 с.

References

1. Pirogova E. P. Property inventory A. F. Turchaninova in 1789 as a source for studying the cultural and everyday traditions of the Urals nobility *News of Ural. Federal Univ. Ser. 2. Humanities*. 2017. 19 (1), 146–159 (in Russ.).
2. Pirogova E. P., Neklyudov E. G., Larionova M. B. The Turchaninovs: cultural-historical essays. Ekaterinburg: Publ. house Socrates, 2008. 352 (in Russ.).
3. Pallas P. S. Journey to different places of the Russian state. Saint Petersburg, 1786. 2 (1): 1770 (in Russ.).
4. State Arch. of the Sverdlovsk Region (SASR). F. 59. Op. 7. D. 2531. T. 2.
5. Pirogova E. P. At the origins of the scientific development of the Urals. *Ural academic science: essays on history / Inst. of history and archeology, Ural Branch of the Rus. Acad. of Sciences*; ed. V. V. Alekseev. Yekaterinburg; Saint Petersburg, 2007. 12–62 (in Russ.).
6. Pirogova E. P. Library Demidovs: books and destinies. Ekaterinburg: Publ. house Socrates, 2000. 208 (in Russ.).
7. SASR. F. 101. Op. 1. D. 933. Description of Kamchatka peoples.
8. Skachkov P. Ye. Essays on the history of Russian Sinology. Moscow: Nauka, 1977. 510 (in Russ.).
9. Pekarsky P. Journey of Academician Nikolai Iosif Delil to Berезov in 1740. *Notes of the Academy of Sciences*. Appendices to bd. 6. Saint Petersburg, 1865, 1–74 (in Russ.).
10. Summary catalog of the Russian civil press book of the XVIII century, 1725–1800. Moscow: Kniga, 1966. 4: Periodicals and continuing publications. 287 (in Russ.).
11. Berezniitsky S. V. The role of F. Plenisher in the formation of the museum collections of the Kunstkamera in the XVIII century. *The problems of museology*. 2016. 2 (14), 86–90 (in Russ.).
12. Berezniitsky S. V. The manuscript of Friedrich Plenisher about the history and ethnography of the indigenous peoples of northeast Asia of the XVIII century *Questions of the history and culture of northern countries and territories*. 2017. 4 (40), 30–39 (in Russ.).
13. Ozeretskovsky N. Ya.; Kozlov S. A. (introd.) Journey through Russia. 1782–1783: Diary. Saint Petersburg: Liki Rossii, 1996. 167 (in Russ.).